

ПАНГУР БАН

Пангур Бан мелодично завыл, что, как предположил Джек, было приветствием.

“И тебе хорошего дня”, - ответил мальчик, а Торгиль добавила свое почтение.

“Он такой большой и белый, - сказала она, - я бы приняла его за кота-тролля, если бы он не был таким дружелюбным”.

“Ты можешь поговорить с ним напрямую”, - сказал Бард. “Пангур Бан понимает каждое слово”.

“Ну, тогда прости, что я назвала тебя котом-троллем”, - вежливо сказала дева-воительница. Он понюхал ее. Его хвост задрожал, и он издал отрывистый, задыхающийся крик.

“Да, она связана с созданиями воздуха”, - объяснил Бард. “Она случайно выпила драконью кровь, но это не дает тебе права охотиться на нее. Я прошу прощения, Торгиль. Пангур становится совсем рассеянным, когда чувствует запах птицы”.

“Если он попытается охотиться на меня, он превратится в ковер на моем полу”, - сказала Торгиль.

Джек быстро накормил кошку мясным пирогом. Он погладил белую шерстку и был вознагражден глубоким, гипнотическим мурлыканьем. “Этне повезло, что вы отдали его ей, господин”, - сказал он.

“Ты можешь называть это удачей, - сказал старик, - но, как ты знаешь, такие вещи случаются с определенной целью. Пангур прибыл на ирландском корабле еще до того, как я узнал о существовании Этни. Он попросил у меня мягкое место в монастыре, потому что он любит монастыри. У них никогда не кончается еда, и монахи души в нем не чают. Когда Этне объявила о своем намерении обрести душу, я подумал: “Ничто не может быть лучше для души моей девочки, чем старая мирская кошка, такая как Пангур Бан”.

Затем Бард расспросил кошку об Этне. Как у нее дела? Достаточно ли она наелась? Хотела бы она, чтобы ее старый отец разрушил стену и отнес ее к королю Бруту? Кот взвыл от радости. “Я знаю, что он плохое подобие мужа, но он будет заботиться о ней”, - сказал старик.

Мало-помалу Джек понял ситуацию, пока Бард переводил слова Пангур Бана. Этни впала в своего рода транс. С одной стороны, она была благодарна за то, что избавилась от эльфийских голосов. С другой стороны, происходило так мало событий, что она большую часть времени смотрела в пространство. Дважды в день через окно просовывали еду, а мусор убирали. С ней никто не разговаривал. Она слышала приглушенные молитвы монахов и проповеди отца Севера, но больше не слушала их.

Она молилась, когда думала об этом. Она ходила взад и вперед в узком пространстве между кроватью и стеной. Остальное время она спала. Пангур Бан был на пределе своих возможностей, пытаясь найти для нее занятие — кошка может не вытерпеть столько ласк. Он приносил ей угощения из внешнего мира. Он совершал набеги на кухню в поисках пирогов, фруктов, жареной птицы...

Пангур Бан облизнул губы и взглянул на Торгиль.

Конечно, монастырь уже не был тем роскошным местом, каким он был до приезда отца Северуса. Половину времени монахи жили на хлебе и воде, а самобичевание стало эпидемией.

“Само—что?” - спросил Джек.

“Монахи бьют себя кнутами”, - сказал Бард. “Предполагается, что это делает их добродетельными. Я никогда не пойму христиан”.

Джеку тоже было трудно это понять. Отец наказывал его шестью способами вплоть до воскресенья, и все, что это вызвало в нем, - это обиду.

Самое главное, что Пангур Бан принес Этне фрагменты внешнего мира. Он мог притащить виноградную лозу, покрытую листьями, или розу, или полный рот желудей. Он приносил ей мышей и маленьких птичек, и она умоляла его забрать их и освободить. Однажды он принес ей мертвого крота, и она заплакала от жалости к нему.

“Это было некрасиво”, - возразил Джек.

“Я не согласен”, - сказал Бард. “Худшее, что может случиться с Этни, - это то, что она потеряет способность чувствовать. Тогда она станет такой же и бездушной, как эльфы. Печаль - это часть жизни.”

“Мы не можем оставить ее в этой тюрьме”, - сказала Торгиль.

“Нет, не можем”. Старик смотрел вдаль, уходя далеко за пределы монастыря, озера или даже яркого неба за его пределами. “К сожалению, у нас есть две проблемы. “Я должен спасти Этне, но я также должен позаботиться о драугре. Если драугр появится до того, как я найду решение, она снова начнет убивать”.

Они сидели и смотрели вниз на монастырь. Пони неторопливо подошли ближе и ткнулись носами в Торгиль. Лошади всегда благоволили Торгиль, подумал Джек, даже те, кто никогда ее раньше не видел. Пангур Бан вытянул свое длинное тело и, казалось, спал, но кончик его хвоста слегка шевелился. “Сначала мне придется разобраться с драугром”, - наконец решил Бард. “Я знаю, что Этне страдает, но я надеюсь, что она сможет продержаться еще немного. Я не смею позволить драугру появиться”.

Он нарвал незабудок и сплел из них гирлянду. Положив на них руку, он произнес что-то нараспев на языке, которого Джек не знал. Но Пангур Бан знал. Кот катался по земле и восторженно мурлыкал, наконец, остановившись у ног Барда. Старик намотал гирлянду на шею коту. “Я вдохнул жизнь в эти цветы”, - сказал он. “Они не будут исчезать в течение многих дней”.

Пангур Бан умчался прочь.

“На каком языке это было, господин?” - Спросил Джек. “Вы часто использовали его, чтобы творить магию”.

“Это язык, который они используют на Островах Блаженных”, - сказал Бард. “Я научился ему, будучи учеником”.

“Но Пангур Бан понимает его”.

Старик посмотрел вслед коту, который как раз в этот момент подходил к монастырской двери. Монах наклонился, чтобы погладить его, и получил хрустящий укус. Кошка убежала через дверь. “Помнишь, я рассказывал тебе о том, как опасно было меняться местами с духом животного?” - сказал Бард.

Джек кивнул. Он вспомнил, как старик прятался в теле вороны и не мог уйти.

“Чем дольше ты находишься в теле животного, - сказал Бард, - тем больше забываешь о том, что ты человек. В Школе Бардов этому навыку не обучали до последнего года, ведь некоторые ученики так и не смогли выбраться из тела своего животного. Пангур Бан был одним из них”.

"Он бард?" - воскликнул Джек.

“Провалившийся бард. Ты должен быть очень уверен в своей собственной личности, прежде чем пытаться совершить такой подвиг. Я всегда подозревал, что Пангур предпочитает быть кошкой, а не человеком. Там нет никаких обязанностей и бесконечных возможностей для веселья, а он всегда был беспечным парнем”.

"Но все же... никогда больше не стать человеком ". Джек был потрясен. “Что случилось с его телом?”

"В нем поселился кошачий дух, и он ушел. Посторонним, кот / парень казался простаком, но, конечно, это было не так. Я слышал, что он стал крысоловом в Дублине и стал очень хорош в этом”.

Торгиль позвала пони, и Джек собрал остатки обеда. Он вскочил в седло, положив перед собой сверток с Счастливым Плачем. “Теперь начинается самое трудное”, - сказал Бард.

Когда они приблизились к монастырю, Джек обратил внимание на обширные поля и недавно посаженные сады вокруг. Монахи были заняты прополкой, установкой решеток и копанием грядок. Он узнал некоторых из них. Они были стройнее и мускулистее, чем раньше, и было ясно, что дисциплина отца Северуса пошла им на пользу. Мальчик также узнал бывших преступников по отсутствующим ушам и разрезанным носам. Казалось, что они были освобождены от рабства, потому что они были одеты как монахи и работали вместе с другими.

И все же лица были такими же хитрыми и жестокими, как и раньше. Монахи никогда не были чем-то большим, чем ворами, а преступники были осужденными убийцами. Какие бы проповеди они ни выслушивали, похоже, это их не исправило.

"Что здесь произойдет, господин, если отца Северуса уберут?" Джек сказал тихим голосом.

"Отличный вопрос", - ответил Бард. "Я бы не хотел, чтобы эти люди снова одичали”.

Их провели во внутренний двор, который Джек помнил со своего первого визита. Его отремонтировали после землетрясения, но фонтан почти не бил. Вместо розовых кустов и лаванды двор был посыпан гравием, а приятные деревянные скамейки были заменены холодным твердым камнем.

“Северусу нравятся его епитимьи”, - заметил Бард, осторожно опускаясь.

Они ждали. Настоятель — отец Северус — медитировал, как им сообщил злодейского вида монах с иссохшей рукой. Джек знал, что этот человек прошел через испытание огнем и был вынужден нести раскаленный кусок железа на протяжении девяти футов. Если бы рана загноилась, его бы признали виновным.

“Будущий Святой всегда проводит вторую половину дня на коленях”, - сказал монах. “Это после хорошего поста утром и легкого бича на обед”.

"Что такое бич?" - Сказал Джек после того, как мужчина ушел.

"Особый вид хлыста", - сказал Бард. "Он оставляет более глубокие шрамы".

Джек почувствовал отвращение. Что за безумие здесь творилось? Невозможно было поверить, что эти монахи имели какое-либо родство с нежным братом Эйденем или святым Катбертом.

"Северяне с радостью переносят боль, - сказала Торгиль, - но они не причиняют ее себе. Я не вижу чести в таких ранах".

"Тут ты права, дева-воительница", - сказал Бард.

Солнце склонилось к западу, и тени начали заполнять двор, когда вошел отец Северус. Он был таким же худым, как всегда, но под ним Джек ощущал железную силу. Мальчик искал доброту, которую он видел в подземельях эльфов, и обнаружил, что ее не хватает.

"Ты! Волшебник! Зачем ты пришел? " спросил настоятель.

"И тебе тоже очень хорошего дня", - сказал Бард. "Ты помнишь Джека и Торгиль?"

Отец Северус бросил на них проницательный взгляд. "О, да. Парочка, которая разрушила Дин-Гуарди. Знаешь, его снова отстроили мои монахи."

Джеку стало не по себе при словах "мои монахи".

"С помощью Владычицы Озера", - сказал Бард.

"Эта мерзкая ведьма", - выругался аббат. "Это должна была быть настоящая крепость, а ее колдовство превратило ее в игровую площадку".

"Не то чтобы Брут был воином", - заметил старик.

"Он ничего не делает. Ничего! Вечеринки всю ночь, спит весь день. Если что-то нужно сделать в городе Беббы, люди приходят ко мне".

"Я уверен, что ты говоришь им, что делать", - сказал Бард.

Отец Северус пристально посмотрел на него. "И что, если я это сделаю? Этим людям нужна твердая рука, и большинство из них - отступники-язычники. Я избавился от непристойных практик, таких как святочное пение и окрашивание пасхальных яиц, но они все еще пробираются в лес на первомай. Ну, почему ты здесь? Мне нужно выслушать исповедь и наложить епитимью".

Джек не мог поверить в перемену, произошедшую с отцом Северусом. Что случилось с человеком, который приютил их в Эльфландии и дал им надежду, когда все казалось потерянным?

"У меня тоже есть важное дело", - тихо сказал Бард. "Кое-что связанное с русалками".

На мгновение отец Северус выглядел пораженным, но так же быстро пришел в себя. "Этот вопрос был решен много лет назад. Это было плохое решение с моей стороны, но вреда не было".

"Было причинено много вреда", - сказал Бард. Он рассказал о прибытии драугр и хаосе,

который она посеяла.

“Как ты можешь ожидать, что я поверю в эту сказку”, - усмехнулся аббат. “Волк убивает ягненка, корова мычит в лесу, и все паникуют”.

“Я видел драугра. И Джек тоже.”

“О, это прекрасный источник информации - волшебник и его ученик.”

Джеку начинал не нравиться отец Северус. “Брат Эйден тоже верит в нее”, - вмешался он. “Он говорит, что дикое животное не убьет ничего, не съев.”

Бард положил руку на плечо мальчика. “Хватит, парень, ” пробормотал он. Он посмотрел на аббата. “Северус, ты ответственен за смерть русалки. Ты думал, что не будет никаких последствий? Она обратилась за правосудием к советам девяти миров”.

“Это становится все лучше и лучше”. - Отец Северус рассмеялся глухим, невеселым смехом, и Джек вспомнил, что он никогда не умел смеяться. “Есть только два мира: этот и грядущий. Теперь я должен беспокоиться о существовании без души, воскресшем из мертвых. Она жалуется в советы, которых не существует, и появляется волшебник с несуществующими способностями, чтобы угрожать мне”.

“Возьми свои слова обратно!” Джек закричал. Бард протянул свой посох, и мальчик почувствовал волну жара.

“Прекрати тратить мое время и уходи”, - прорычал аббат.

“Ты не оставляешь мне выбора”, - тихо сказал Бард. “Джек, разверни “Счастливого плача”.

Руки мальчика дрожали, когда он ставил сверток на пол и возился с веревками, связывающими его. Торгиль наклонилась и разрешила их своим ножом. “Это будет весело”, - прошептала она. Джек хотел бы, чтобы он был так же спокоен, вызывая драугра, но ведь он видел ее, а Торгиль - нет.

“Счастливого плача”, - пробормотал отец Северус, и на этот раз он не выглядел таким уверенным. “Прошло много времени с тех пор, как я его слышал. Если бы это не был священный колокол святого Колумбы, я бы утопил его в морских глубинах”.

“Лучше бы потопил себя”, “огрызнулся Бард. “Последний шанс, Северус. Должны ли мы обсудить, как справиться с драугром, или Джек должен позвонить в колокол?”

Аббат выпрямился, высокий и гордый. У этого человека было мужество, неохотно признал Джек. Он сражался с северянами и Королевой эльфов. Он принес себя в жертву вместо Пеги. Он столкнулся лицом к лицу с самим Адом, и если бы он в ужасе упал на колени, это не уменьшило бы его благородства. Они все съезжились.

“Нет никакого драугра”, - сказал отец Северус. “Я христианин. Я не верю языческой лжи”.

Бард кивнул. Джек быстро развернул слои ткани, и предмет внутри покотился по полу с лязгом и лязгом.

Это был маленький медный котел с камнем внутри.

Отец Северус испуганно рассмеялся. Он согнулся от смеха, хлопая себя ладонями по коленям.

“Клянусь благословенной святой Бриджит, это прекрасная шутка, волшебник! Это Брут подговорил тебя на это?”

Бард, Джек и Торгиль могли только ошеломленно смотреть, как котел остановился у стены.

“Нечего сказать? - усмехнулся аббат. “Тогда проваливай!” Он хлопнул в ладоши, и в дверь вошли двое дюжих монахов. Бард, Джек и Торгиль ушли со всем достоинством, на какое были способны.

<http://tl.rulate.ru/book/81483/2539400>